Современный взгляд на политические репрессии в Монголии 1930–1940 гг.

УДК 94(517) doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/58-64

*Монголия,
политические
репрессии,
«Большой террор»,
внутриполитическая
борьба,
Чойбалсан,
Сталин,
Коминтерн,
монгольская революция
1921 г.,
геополитическое
положение*

Внутриполитическая борьба, влияние Коминтерна, политические репрессии в Монголии в 1930–1940 гг. оказали значительное влияние на политическое развитие Монголии. Особое внимание уделено политическим процессам в Монголии, получившим неоднозначную оценку в историографии. Ошибки и перегибы политики левого курса, борьба с ламством привели к масштабному «Хубсугульскому восстанию» в 1932 г. В ходе политических репрессий в Монголии значительно пострадало бурятское население, подвергшееся гонениям со стороны правящего режима по политическим мотивам, одним из которых стало сфабрикованное «Дело Лхумбэ». Политические репрессии стали инструментом во внутриполитической борьбе с оппозицией, укреплением личной власти Х. Чойбалсана, а также сведением личных счетов в борьбе за власть.

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4.

Для Монголии первая половина XX в. стала временем коренных преобразований, сопровождавшимся революциями, формированием нового монгольского государства, борьбой за национальную независимость и суверенитет. Политические репрессии конца 30-х гг. XX в., затронувшие практически все слои населения Монголии, включая высшее партийно-государственное руководство, буддийское духовенство, интеллигенцию и зажиточных аратов, оставили трагический след в истории страны. В Монголии они получили название – «Их Хэлмэгдүүлэлт» (Великие репрессии). Долгие годы тема политических репрессий как в отечественной, так и монгольской историографии оставалась малоизученной, многие материалы были недоступны для исследователей и широкой общественности. Историческая память жертвам политических репрессий в Монголии до сих пор полностью не восстановлена и нуждается в объективном исследовании.

Официальная историография возлагала ответственность на массовые репрессии исключительно на культ личности Сталина и Чойбалсана, намеренно пытаясь увести общественное мнение от сути самой проблемы. Многие факты умышленно искажались в угоду правящего режима. Лишь с начала 1990-х гг. на волне демократических преобразований монгольские исследователи начали затрагивать проблемы политических репрессий, стали изучаться закрытые и недоступные ранее архивные материалы и сведения. Отдельные вопросы, касающиеся политических репрессий в современной монгольской и отечественной историографии, нуждаются в более пристальном и объективном освещении.

Для цитирования:
Батунаев Э. В. Современный взгляд на политические репрессии в Монголии 1930–1940 гг. // Известия Восточного института. 2018. № 3. С. 58–64.
doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/58-64

Среди современных исследователей, занимавшихся вопросом политических репрессий в Монголии, необходимо отметить работы С. Л. Кузьмина, Б. В. Базарова, С. К. Рощина, Л. В. Кураса, Б. Батбаяра (Баабар), О. Батсайхана, Д. Олзибаатара [6; 7; 2; 10; 8; 1; 3; 14]. Комплексное изучение этого корпуса источников помогает восстановить как общий ход событий, так и многие детали исторического процесса.

После революции 1921 г. Монголия взяла курс на социалистические преобразования и прочно вошла в орбиту советского влияния. Первоначально Коминтерн и Советская Россия видели в Монголии, прежде всего, плацдарм для распространения революционных идей на Востоке. Для монгольских революционеров гарантом сохранения независимости стала ориентация на Советскую Россию и следование в русле некапиталистического пути развития. С этого времени влияние Коминтерна и ВКП(б) как на внутреннюю, так и на внешнюю политику Монголии стало преобладающим. По линии Коминтерна в Монголию была направлена группа советских инструкторов, и, по сути, вся работа правительственных и партийных органов проходила под их жёстким контролем. Политические репрессии стали инструментом во внутривластной борьбе с оппозицией, укреплением личной власти, а также сведением личных счетов в борьбе за власть.

Прологом к политическим репрессиям в Монголии стала расправа над одним из видных политических деятелей – премьер-министром Д. Бодо. По «Делу Бодо» были расстреляны 15 человек. Эти обвинения во многом были сфабрикованы по политическим мотивам. Ключевыми фигурами в МНР в 1922–1924 гг. были С. Данзан («правый») и Э. Ринчино («левый»). Основным конфликт между ними разгорелся в вопросе о перспективах развития Монголии. По приговору специальной комиссии, назначенной правительством и III съездом, С. Данзан и один из руководителей Союза молодёжи Баваасан были расстреляны. Главный путь обвинения – стремление произвести контрреволюционный переворот. Таким образом, внутривластная борьба между «правыми» и «левыми» превратилась в очередную расправу с оппонентами. В Монголии, вставшей на путь строительства социализма, проходили те же социальные преобразования, что и в СССР. В 1926 г. в МНР был принят Закон об отделении церкви от государства, упразднялись привилегии высших чинов буддийского духовенства, хубилганов и хамбо. В Монголии практически одновременно с СССР была начата коллективизация, шла конфискация имущества у духовенства и знати. Важное внимание стали уделять экономическому подрыву теократии. Для этого проводилась джасская кампания и обложение монастырей высокими налогами. На уменьшение численности монастырей и сплочённости духовенства были направлены закрытие монастырей, вывод монахов в мирское состояние, запрет на поиски новых хубилганов, активизация политики раскола «ламства» по имущественному принципу. Проводилась конфискация имущества у феодалов, бывших чиновников и высших лам, создавались колхозы и госхозы по советскому образцу [7, с. 363].

В 1930 г. была раскрыта подпольная организация, известная как «заговор Эрэгдэндагвы», или «дело 38», обвинение в участии в заговоре предъявили высшим ламам: Манзуширхутагте, Дилувхутагте и Егузерхутагте. Манзуширхутагт и Дилувхутагт получили испытательные сроки, Егузерхутагт был расстрелян. Позже Дилувхутагт ушёл за границу, Манзуширхутагт через несколько лет был расстрелян по другому ложному обвинению [6, с. 6].

Все эти процессы и реформы не могли не вызвать недовольства среди широких слоёв населения. Ошибки и перегибы проводимого курса, в частности, антирелигиозная кампания, насильственная коллективизация, повышение налогов для монастырских хозяйств, вызвали широкую волну недовольства среди населения, результатом которого стало восстание в Монголии 1932 г. Повстанцы выступали с лозунгами свержения существующей власти, за устранение партии, ревсомола. Восстание не было стихийным, оно имело организаторов, которые опирались на широкое недовольство масс. А среди организаторов и идейных вдохновителей – крупные ламы и феодалы, намерения которых были понятны. Но слишком разнообразным был состав повстанцев, чтобы сводить всё дело к ведущей роли крупных лам и «японских ставленников». Было немало и таких «мятежников», которые поддались общему порыву, но не хотели крайних мер, не хотели устранения власти, а хотели лишь «исправить» её политику.

В боях против отрядов повстанцев были задействованы армейские части и подразделения ГВО, использовалась и советская помощь. Правительственные потери превысили 400 человек убитыми и замученными (у нас нет данных о потерях среди повстанцев). Страна понесла огромный материальный ущерб. Основные силы восставших к июлю были рассеяны, но полная ликвидация повстанческого движения завершилась лишь в октябре 1932 г. [10, с. 65].

Руководителей восстания на публичном судебном разбирательстве приговорили к расстрелу. Конкретные указания об осуждении и прекращении «левого» и начале «нового курса» были присланы из политбюро ЦК ВКП(б) и быстро выполнены руководством МНРП. Таким образом, политика левого курса привела к дестабилизации обстановки в МНР.

В связи с обострением ситуации на Дальнем Востоке и с угрозой японской агрессии особое внимание СССР стал уделять монгольскому направлению. МНР оказалась, по сути, единственной возможностью для СССР иметь союзника в будущем назревавшем конфликте. Постоянные провокации японских войск на монгольско-советской границах способствовали складыванию военно-политического союза между МНР и СССР. Исходя из геополитических задач, одним из главных вопросов, стоящих перед руководством СССР, стало укрепление обороноспособности Монголии. В связи с этим в 1932 г. была создана постоянная Монгольская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с К. Е. Ворошиловым, выполнявшая функции главного координатора и исполнителя советской политики в Монголии. С этого времени, с 25 декабря 1933 по 5 сентября 1952 г., в Москве состоялась 21 официальная встреча Сталина с монгольским руководством. Начиная с этой первой встречи Сталин расспрашивал о ламах и рекомендовал вести с ними борьбу. В частности, он интересовался высокой численностью лам в МНР и их жизнью и заявил: «Это государство в государстве. Чингисхан никогда не согласился бы на это. Он наверняка жестоко расправился с ними» [3, с. 142, 143].

В большинстве случаев органы безопасности в ламском сословии видели, прежде всего, неблагонадёжный элемент, потенциальных контрреволюционеров, сотрудничающих с Японией. В связи с этим были расширены статьи Уголовного кодекса, относящиеся к ламам. В частности, водились наказания (вплоть до заключения) за приём в

монастыри детей моложе 18 лет, за религиозные указания ученикам в школах, строительство новых храмов и монастырей. Были лишены избирательного права хубилганы, хутухты и все ламы, постоянно жившие в монастырях [13, с. 496]. За 1936 г. было проведено пять открытых процессов над буддистским духовенством.

Примерно в это же время было заведено дело, которое позже обернулось целой кампанией массовых репрессий, вошедших в историю под названием «дело Лхумбэ» по имени Ж. Лхумбэ, видного партийно-государственного деятеля МНР, обвинённого в создании контрреволюционной прояпонской нелегальной организации с целью осуществления военного переворота и свержения коммунистического режима. Под предлогом борьбы с «японскими шпионами», с готовящимся «заговором» против действующей власти с мая 1933 г. начались массовые аресты среди бурятских иммигрантов, покинувших Советскую Россию в годы гражданской войны. Преследованиям подверглись также «неблагонадёжные» партийные и государственные работники и бывшие «левые», руководившие страной в 1929–1932 гг. В орбиту этого «дела» в той или иной степени попали около 2 тыс. человек. Судили 316 человек, из них расстреляны 56, а 260 приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Свыше 700 бурятских хозяйств выдворены с территории Монголии [10, с. 82]. «Дело Лхумбэ» послужило причиной страшных политических репрессий, от которых больше всех пострадали буряты, проживающие в бассейне рек Эг, Онон, Улз, Ероо, Хэрлэн, Халхин-Гол: интеллигенция, духовенство и зажиточные скотоводы [4, с. 169]. В годы «Большого террора» на территории соседней Бурятии подверглись репрессиям почти 20 тысяч человек. Наибольшую группу из числа репрессированных составляли представители так называемой «панмонгольской, контрреволюционной, повстанческо-диверсионной, вредительской организации. Им вменялась в вину попытка отторгнуть БМАССР от СССР и создать Великое Монгольское государство под протекторатом Японии, националистическая обработка населения республики на антисоветской основе и связанная с этим попытка государственного переворота. В ходе репрессий в эти годы, по сути, была уничтожена вся национальная интеллектуальная элита бурятского народа.

22 марта 1936 г. на Пленуме ЦК МНРП Х. Чойбалсан, опираясь на поддержку Сталина, отстранил от власти председателя премьер-министра МНР П. Гэндэна. Он обвинялся в попытках принизить руководящую роль партии, в выдвижении лозунга «обогащайтесь», нерешительности и непоследовательности в ламском вопросе, в снижении обороноспособности страны. Последнее, что успел сделать П. Гэндэн как премьер-министр, это принять участие в подписании протокола о взаимной помощи между СССР и МНР. Подписание состоялось в Улан-Баторе 12 марта 1936 г. В конце августа 1937 г. в Улан-Батор прибыл заместитель наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновский. С его именем связывают «чёрный список» на 115 человек, подозреваемых в «контрреволюционных заговорах» [5, с. 102, 104].

По аналогии с СССР были организованы специальные тройки в составе Х. Чойбалсана, министра юстиции и секретаря ЦК МНРП для внесудебного рассмотрения дел. 4 октября 1937 г. было проведено публичное слушание против крупных фигур духовенства, в том числе против настоятеля столичного монастыря Гандантэгченлин,

тибетца Ёнзон-хамбо Ц. Лувсанхаймчига и дэд-хамбо Б. Дамдина, членов «Центральной контрреволюционной группы», обвинявшихся в шпионаже в пользу Панчен-ламы IX. Ключевой фигурой «контрреволюционного центра» был назван Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчигодин из высших лам Монголии. Дело «центра» было одним из самых крупных и показательных процессов в МНР, призванных дискредитировать духовенство в глазах народа и утратить доверие. Главными обвинениями подсудимых по делу «центра» были разведывательная деятельность в пользу иностранных государств и организация свержения власти МНРП [6, с. 10]. Заседания транслировали по громкоговорителям толпе, собравшейся вокруг театра. Большинство слушателей были араты и ламы. «Признания» обвиняемых на процессе затем опубликовала газета «Үнэн», например, сообщение Ёнзон-хамбо о том, что он приехал в Монголию в 1914 г. как шпион Панчен-ламы [13, с. 326–327]. Из более 800 монастырей страны абсолютное большинство было разрушено. Ламство было практически полностью ликвидировано.

18–21 октября 1937 г. в Государственном театре Улан-Батора был проведён показательный публичный процесс против бывшего замглавкома МНРА Ламаху Жарьжава, бывшего второго замсовнаркома Гончига Самбу, бывшего начгенштаба МНРА Жигдэла Мальжи, прокурора республики М.-Д. Идамсурэна, директора государственного театра Ц. Баттэмура, бывшего министра просвещения и других «членов контрреволюционной организации Гэндэна-Дэмиды». Из 14 подсудимых было расстреляно 13. Всего за несколько месяцев 1937 г. было арестовано 16 министров и их заместителей, 42 генерала и старших офицера, 44 высших служащих государственного и хозяйственного аппарата [11, с. 9]. В годы «большого террора» погибли, пострадали десятки тысяч людей: от руководителей страны до рядовых тружеников. Среди них – видные государственные и партийные деятели Монголии П. Гэндэн, А. Амар, Д. Лувсаншарав, Д. Догсом, Л. Лосол, С. Довчин, О. Бадрах, З. Шижээ, Р. Мэнд.

Репрессии затронули многих представителей монгольской интеллигенции, объявленных «врагами народа» (Буянчулуун, Шачжи, Хухтэ, Ю. Банзар, Б. Ринчен, Идамсурэн, Ц. Дамдинсурэн и др.), которым вменялось в вину реакционная, процерковная, вредительская деятельность в сфере науки и образования. [9, с. 188–189]. В СССР были высланы подозреваемые в панмонгольской деятельности. Стандартными в последовавших «Деле о германских шпионах», «Деле о японских шпионах», «Порт-Артурском деле» были обвинения в шпионаже, подрывной, диверсионной и вредительской деятельности, подготовке покушений на руководство МНРП и свержения Народного правительства.

Трагические события в Монголии невозможно понять без учёта таких же событий в СССР, без учёта политики Сталина и его окружения. Кроме того, не снимает доли ответственности с самих монгольских руководителей и исполнителей. Репрессии против партийных, государственных, военных кадров, интеллигенции, священнослужителей, других монгольских граждан в указанный период осуществлялись в обстановке порождённой сталинщиной, организовывались и приводились Х. Чойбалсаном и его окружением при участии органов безопасности. В годы «большого террора» погибли, пострадали десят-

ки тысяч людей: от руководителей страны до рядовых тружеников. Конечно, в стране были противники существовавшего строя, но подавляющее число подвергшихся репрессиям не имели никакого отношения к предъявляемым им тяжким обвинениям и были невиновны.

Литература

1. Баабар История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. 543 с.
2. Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 67 с.
3. Батсайхан О. Встречи Сталина с монгольскими руководителями в 1932–1937 гг. // Восток. 2011. № 3. С. 142–143.
4. Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С. «Дело Лхумбэ»: репрессии против бурят в Монголии // Вестник ВСГУТУ. 2012. № 4 (39). С. 166–171.
5. История Монголии XX век. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007. 448 с.
6. Кузьмин С. Л. «Контрреволюционный центр» в Монголии в 1930-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4 (30). С. 5–13.
7. Кузьмин С. Л. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. – М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2016. 496 с.
8. Курас Л. В. Репрессивная политика советского государства в Бурят-Монголии в 20–30-е годы XX века // Политические репрессии на территории Бурятии 1930-х гг. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 107 с.
9. Ломакина И. И. Монгольская столица, старая и новая. – М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2006. 189 с.
10. Рощин С. К. П. Гэндэн, монгольский национальный лидер. Штрихи биографии. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008. 160 с.
11. Цыренова М. Г., Аюшиева И. Г. Политические репрессии в России и Монголии: историческая память. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. 118 с.
12. Kaplonski C. Prelude to violence: show trials and state power in 1930s Mongolia // American Ethnologist. 2008. Vol. 32. No 2. Pp. 321–337.
13. Narangoa L. Japanese imperialism and Mongolian Buddhism // Critical Asian Studies. 2003. Vol. 35. No. 4. P. 496.
14. Олзийбаатар Д. Яагаад 1937 он? [Почему 1937 г.?]. – Улаанбаатар хот, 2004 он. 310 с.

Eduard V. BATUNAEV

Ph. D. (in History), Junior Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of RAS (Ulan-Ude, Russia)

E-mail: Batunaevduard@mail.ru

Modern View of Political Repression in Mongolia 1930–1940

UDC 94(517) doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/58-64

The article considers one of the most difficult and dramatic periods in the history of Mongolia. The internal political struggle, the influence of the Comintern, political repression in Mongolia in 1930–1940 had a significant impact on the political development of Mongolia. Particular attention is paid to political processes in Mongolia, which received an ambiguous evaluation in historiography. Almost all segments of the population of Mongolia

Mongolia, political repression, «great terror», internal political struggle, Choibalsan, Stalin,

*the Comintern,
the Mongolian revolution
of 1921,
geopolitical situation*

were subjected to repression, including the highest party-state leadership, Buddhist clergy, intelligentsia and well-off arats. The mistakes and excesses of the policy of the left course, the struggle against the lamas led to a large-scale Hubsugul uprising in 1932. During the political repressions in Mongolia, the Buryat population suffered greatly from the political regime's persecution, one of which was the trumped-up «Case of Lhumbe». The author came to the conclusion that political repression became an instrument in the internal political struggle against the opposition, strengthening of the personal power of H. Choybalsan, and also settling of personal scores in the struggle for power.

For citation: Batunaev E. V. Modern view of political repression in Mongolia 1930–1940 // Oriental Institute Journal. 2018. № 3. P. 58–64. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/58-64

References

1. Baabar Istoriya Mongolii: ot mirovogo gospodstva do sovetского satellita. – Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2010. 543 s.
2. Bazarov B. V. Neizvestnoe iz istorii panmongolizma. – Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2002. 67 s.
3. Batsajkhan O. Vstrechi Stalina s mongol'skimi rukovoditelyami v 1932–1937 gg. // Vostok. 2011. № 3. S. 142–143.
4. Vanchikova TS. P., Rinchinova O. S. «Delo Lkhumbek»: repressii protiv buryat v Mongolii // Vestnik VSGUTU. 2012. № 4 (39). S. 166–171.
5. Istoriya Mongolii XX vek. – M.: In-t vostokovedeniya RAN, 2007. 448 s.
6. Kuz'min S. L. «Kontrevolyutsionnyj tsentr» v Mongolii v 1930-kh gg. // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2014. № 4 (30). S. 5–13.
7. Kuz'min S. L. Teokraticeskaya gosudarstvennost' i buddijskaya tserkov' Mongolii v nachale XX veka. – M.: Tov-vo nauch. izd. KMK, 2016. 496 s.
8. Kuras L. V. Repressivnaya politika sovetskogo gosudarstva v Buryat-Mongolii v 20–30-e gody KHKH veka // Politicheskie repressii na territorii Buryatii 1930-kh gg. – Ulan-Udeh: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2007. 107 s.
9. Lomakina I. I. Mongol'skaya stolitsa, staraya i novaya. – M.: Tov-vo nauch. izd. KMK, 2006. 189 s.
10. Roshhin S. K. P. Gehndehn, mongol'skij natsional'nyj lider. SHtrikhi biografii. – M.: In-t vostokovedeniya RAN, 2008. 160 s.
11. TSyrenova M. G., Ayushieva I. G. Politicheskie repressii v Rossii i Mongolii: istoricheskaya pamyat'. – Ulan-Udeh: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2011. 118 s.
12. Kaplonski C. Prelude to violence: show trials and state power in 1930s Mongolia // American Ethnologist. 2008. Vol. 32. No 2. Pp. 321–337.
13. Narangoa L. Japanese imperialism and Mongolian Buddhism // Critical Asian Studies. 2003. Vol. 35. No. 4. P. 496.
14. Olzijbaatar D. YAagaad 1937 on? [Pochemu 1937 g.?). – Ulaanbaatar khot, 2004 on. 310 s.